

История создания романа «Петр Первый»

«Ощущение Родины — это сознание связи своей с историей своего народа», — писал А.Н. Толстой, который историю России переживал, как собственную жизнь. «Перед тем, как писать, — считал он, — необходимо вжиться в образ любого из персонажей «до галлюцинаций», и тогда читатель вовлекается в сопереживание вместе с автором».

Интерес к петровской эпохе и личности Петра I у Алексея Толстого, продолжателя традиций русской классики, возник не случайно. Многие русские писатели, начиная с Ломоносова и Фонвизина, каждый по-своему затрагивали в своем творчестве тему Петра. Пушкин чрезвычайно высоко оценивал роль петровских реформ, в истории России. Как известно, он собрал огромный материал о Петре, писал заметки о нем, создал образ Петра в поэмах «Полтава» и «Медный всадник». По свидетельству современников, Пушкин понимал противоречивость характера Петра и намеревался посвятить ему одно из своих будущих творений. Но даже гениальному Пушкину осуществление этого замысла представлялось необычайно сложным: «Я еще не мог доселе постичь и объять умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим к нему близко, — надо отодвинуться на два века, — но я постигаю его чувством».

Увлеченно работал над петровской темой и другой русский гений — Лев Толстой. В одном из писем к Н.Н. Страхову он сообщал, что «обложился книгами о Петре I и его времени». Впоследствии Л. Толстой отказался от мысли писать роман о Петре и его эпохе, признавался, что ему трудно «проникнуть в души тогдашних людей»: «...Читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь — все задача, загадка, разгадка которой только и возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут».

Воссоздать время, представляющее важнейший «узел русской жизни», — такую цель ставит в своем историческом романе «Петр Первый» Алексей Николаевич Толстой. Интерес писателя к петровской эпохе отразился в ряде его ранних произведений: «Наваждение», «День Петра». О своих первых попытках подойти к этой теме он вспоминал так: «С первых же месяцев Февральской революции я обратился к теме Петра Великого. Должно быть, скорее инстинктом художника, чем сознательно, я искал в этой теме разгадки русского народа и русской государственности». Обратите внимание: «я постигаю его чувством» (Пушкин), «загадка, разгадка которой только и возможна поэзией» (Л.Н. Толстой), «скорее инстинктом художника, чем сознательно...» (А.Н. Толстой) — какое поразительное единомыслие.

В 1928 году А.Н. Толстой вновь обращается к обрисовке петровского времени и создает историческую пьесу «На дыбе». Как видим, тема не отпускает его, позднее он напишет: «На “Петра Первого” я нацеливался давно... Я видел все пятна на его камзоле, — но Петр все же торчал загадкой в историческом тумане...»

К главному произведению своей жизни Алексей Толстой шел сложными путями. Приступив к работе над романом в 1929 году, писатель продолжал этот труд до последних дней своей жизни. Роман публиковался в журнале «Новый мир» с перерывами с 1929 по 1945 год.

Весьма обширный исторический материал, исследованный писателем, лег в основу романа: подлинные документы петровской эпохи, труды историков, мемуары современников Петра I — русских и иностранцев, — дневники, письма, дипломатические донесения и судебные отчеты. Значительную роль в процессе работы над романом сыграло изучение таких исторических реалий, как архитектура, костюмы, интерьеры, портреты, гравюры, карты, планы конца XVII — начала XVIII века. Они, безусловно, помогали Алексею Толстому зрительно воссоздавать обстановку далекой исторической эпохи.

Широко использовал писатель и разнообразный фольклорный материал: исторические песни, отражавшие народное представление о петровском царствовании, анекдоты и байки. Несомненный отпечаток наложило устное народное творчество и на общий склад повествования, необычайно близкий к народной речи.

Отвечая на вопросы читателей и критиков, о том, что помогло ему так живо, зримо передать аромат и колорит далекого времени, А.Н. Толстой говорил об ощущении русской старины, вынесенном из детства, которое прошло в патриархальной провинции:

«Если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями и отсюда появилось ощущение эпохи, ее вещественность. Этих людей, эти типы я потом проверял по историческим документам. Документы давали мне развитие романа, но вкусовое, зрительное восприятие, идущее от глубоких детских впечатлений, те тонкие, едва уловимые вещи, о которых трудно рассказать, давали вещественность тому, что я описывал».

Все, пишущие о А. Н. Толстом, отмечали его виртуозное владение родным словом. Работе над языком он, действительно, придавал исключительное значение. Писатель много раз говорил о том, что никак не мог начать работу над романом, пока не проник в тайны языка описываемой эпохи. Настоящим кладом оказалась для него книга профессора Новомбергского «Слово и дело», где были собраны судебские акты XVII века.

«Эти розыскные акты записывались дьяками, которые старались записать в наиболее сжатой и красочной форме наиболее точно рассказ пытаемого. Не преследуя никаких “литературных” задач, премудрые дьяки творили высокую словесность. В их записях — алмазы литературной русской речи. В их записях — ключ к трансформации народной речи в литературу» (А.Н. Толстой «Чистота русского языка»).

Исследуя исторические материалы, писатель выделяет наиболее типичные для языка XVII—XVIII веков слова и выражения и старается выбрать прежде всего те обороты речи, которые несли аромат и колорит старины, но одновременно были близки и понятны современному читателю. Иногда он видоизменял некоторые тяжеловесные речевые обороты и архаичные грамматические формы. Чтобы сократить длинноты, устранить монотонность повествования, Алексей Толстой объединял несколько старинных документов в один текст.

Последняя редакционная правка «Петра Первого», предпринятая в 1944 году и доведенная лишь до V главы первой книги, красноречиво свидетельствует о кропотливой работе писателя над каждым портретом, эпизодом, оборотом речи, даже эпитетом.